

Военная проза

Владимир Кунин

ВОЕННАЯ ПРОЗА

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Кунин, В.

Военная проза: Сборник / В. Кунин. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 430 с.

ISBN 978-5-521-74524-1

В сборник «Военная проза» вошли знаменитые повести Владимира Кунина о войне: «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Пилот первого класса», «Сошедшие с небес» и «Старшина». В них — история подвига экипажа бомбардировщика Пе-2, история о большой любви, мужестве и героизме молоденькой санитарки Маши и лейтенанта Сергея, история сурового и жесткого старшины, направленного с фронта в учебную часть, в которой проходят обучение молодые пилоты. Экранизации повестей «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Сошедшие с небес» и «Старшина» вошли в золотой фонд российского кинематографа.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74524-1

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© В. В. Кунин, наследники, 2020

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО БОМБАРДИРОВЩИКА

Да, сделали все, что могли мы,
Кто мог, сколько мог и как мог.
И были мы солнцем палимы,
И шли мы по сотням дорог.
Да, каждый был ранен, контужен,
А каждый четвертый — убит,
И лично Отечеству нужен,
И лично не будет забыт.

Борис Слуцкий

Пролог

Моросит мелкий дождь. Он прижимает к земле редкую степную траву и собирается в рябые лужицы...

Рядом с молодым леском на небольшом полевом аэродроме группами по три-четыре самолета стоят бомбардировщики Пе-2. Вдалеке виднеются оставшиеся от мирного времени колхозные бараки и наспех вырытые землянки.

Несмотря на плохую погоду, машины облеплены техниками, механиками и мотористами. Они копаются в моторах, чистят, латают, приводят в порядок боевые машины под аккомпанемент самых обычных звуков удивительно мирного ремонта. Нервно визжат ручные дрели, хрипят напильники, лязгают гаечные ключи. Где-то пробуют завести двигатель. Он то взрывается большими оборотами, то выстреливает выхлопными патрубками, то зачихает и вовсе заглохнет. И опять все сначала...

Чей-то спокойный голос говорит:

— Четвертый день идет дождь...

— Полетов нет, и слава богу... Каникулы, — говорит другой голос.

— Правда, раз в сутки кто-нибудь вылетает на разведку, но это всего лишь один экипаж, а весь полк сидит и развлекает себя как может, — говорит голос третьего.

А вот и бомбардировщик с хвостовым номером 115.

У самолета возле шасси, нагнувшись, стоит человек в комбинезоне. Неподалеку от него на стремянке работает молоденький моторист.

— Наша машинка... — говорит первый голос.

— Пикирующий бомбардировщик Пе-2, — говорит второй.

— «Пешка», — говорит третий.

Тот, что у шасси, выпрямляется. Это пожилой человек с озабоченной физиономией.

— А это наш отец и благодетель — младший техник-лейтенант Кузмичов...

— А проще — Кузмич...

Кузмичов поворачивается к маленькому худенькому мотористу и что-то говорит ему. Судя по выражению

лица Кузмича и виду маленького моториста, Кузмич ничего приятного тому не сказал. Маленький даже не пытается оправдываться.

— Добрейшей души человек Кузмич! — говорит первый.

— А его подопечный Осадчий — самый бестолковый моторист ВВС...

Кабина бомбардировщика. Приборная доска, кресло летчика с бронеспинкой, рога штурвала...

— Здесь сижу я — старший лейтенант Сергей Архипцев, — говорит первый голос.

В тесной кабине еще рация, пулемет и свободно движущееся глубокое сиденье.

— А здесь я — лейтенант Вениамин Гуревич, — говорит второй.

А вот наглухо отгороженная от пилотов кабина стрелка-радиста. Эта кабина не для долгих разговоров и медлительных раздумий. Здесь все очень строго, если не считать фотографии миловидной девушки на передатчике и небольшой репродукции картины Дега «Голубые танцовщицы», которая заботливо засунута за металлическую табличку-инструкцию аварийного выпуска шасси.

— Я стрелок-радист, старшина Евгений Соболевский, — говорит третий голос. — Здесь у меня радиостанция. И Лена. Это инструкция, которой никогда не придется пользоваться, а это просто Дега... Ну и, конечно, пулеметы. В общем, довольно уютно...

И опять мокрые «пешки», мотористы, механики и оружейники...

Человек шесть мотористов закончили работу и, перекинув сумки с инструментами через плечо, идут через все поле к баракам.

— А вон там, за санчастью, расположена вторая эскадрилья...

— Наш дом...

— Построенный в стиле баракко...

На фоне далекого приземистого строения медленно проползает «студебекер»...

День первый

«Студебекер» тащил большую платформу. На платформе возвышалась гора бомб в ящиках из деревянных реек.

Моросил дождь. Черные бомбы блестели сквозь белые рейки. Наверху, на бомбах, сидела команда оружейников. Пятеро парней накрылись куском брезента, хоронясь от дождя.

«Студебекер» с бомбами прополз мимо барака второй эскадрильи.

«Луч луны упал на ваш портрет...» — донеслись из барака звуки патефона.

Два молоденьких летчика расположились в углу барака возле патефона. «Луч луны упал на ваш портрет...» — грустно пел Утесов. Эта фраза повторялась много раз: один из летчиков все время ставил пластинку сначала, а второй записывал текст.

— Значит, так, — сказал в паузе тот, который пишет, — «Луч луны попал на ваш портрет, милый друг...»

— Не «попал», а «упал»!

— Ага! «Упал», значит, — пробормотал летчик.

И Утесов начал все сначала...

Посередине барака между рядами коек стоял стол, окруженный гурьбой летчиков.

Из-за стола вылез смущенный лейтенант.

— Это какой, Веня? — спросил сидящий за столом коренастый широкоплечий старший лейтенант с простоватой и умной физиономией. Это был Сергей Архипцев.

— Шестой, командир! — крикнул Гуревич, который в одних носках сидел на койке и играл на скрипке «Чижика».

— Следующий! — сказал Архипцев и ухмыльнулся.

Против него уселся здоровенный штурман Пастухов. Он осторожно взял в руку перышко.

Архипцев тоже взял перышко и со словами: «Держись, бугай!» — щелкнул им.

Перышко Пастухова оказалось накрытым.

— Седьмой! — крикнул Гуревич.

— Следующий, — спокойненько пригласил Архипцев.

Вокруг хохотали болельщики.

У окна в зимнем меховом комбинезоне и в шлеме, со страшно напряженной и вымокшей физиономией сидел Митька Червоненко. Он позировал расположившемуся в пяти шагах от него Женьке Соболевскому, который поставил себе на колени кусок фанеры с прикрепленным листом ватмана и быстро и уверенно рисовал Митьку.

— Я устал, Женька... — сказал Митька, не меняя все же выражения лица.

— Сиди, не крутись, — ответил Соболевский и запел: — «Луч луны попал на ваш портрет...»

— Жарко ведь, Женечка... — заныл Митька.

— Сиди, не скули... «Милый друг давно забытых лет...» — мурлыкал Соболевский.

— Так я ничего и не говорю, — жалобно отозвался Митька. — Я же только говорю — жарко очень...

— Нечего было комбинезон зимний напяливать, пиджон! Сиди, Митька, не ной. Сейчас закончу. Замри на пять минут.

Митька замер.

— Молодец, — похвалил Женька. Он внимательно всмотрелся в Митьку и, усмехнувшись, подпел Утесову: — «И на миг как будто ожил он...»

— «И на миг смешались явь и сон...» — продолжил Утесов.

...В одном из залов Русского музея Женька рисует скульптуру Антокольского. Рука его движется быстро и уверенно. Изредка он откидывается назад, прищурив глаз, смотрит на Мефистофеля, затем на рисунок, подмигивает Мефистофелю и опять рисует.

Подходит экскурсия. Люди становятся полукругом у скульптуры.

Женька и Мефистофель оказываются в центре внимания. Сюда же в полукруг входит девушка-экскурсовод.

Она не глядя беретя рукой за спинку Женькиного стула и устало говорит экскурсантам:

— Прошу вас, товарищи, подходите, не задерживайтесь...

Женька с нескрываемым интересом разглядывает руку на спинке своего стула.

— Простите, пожалуйста, — смутилась девушка.

— Охотно, — улыбнулся Женька.